

Сергей БОЧКОВ

ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

Р а с с к а з

На краю одной из областей нашей страны, вдалеке от заполненных скоростным потоком машин автострад, соединяющих огромные мегаполисы, притих небольшой городок — размеренно-неторопливый и отстраненно-спокойный.

Статус города, являющийся особой гордостью его жителей, этот населенный пункт носит благодаря своей древности и прежним заслугам, поскольку в настоящее время настолько малолюден, что почти все соседние райцентры, хоть и именуются всего лишь поселками, выглядят на порядок крупнее и благоустроеннее. А ведь когда-то, в давние времена, это был вполне известный и даже зажиточный город. И вырасти мог он во что-то масштабное, важное.

Но этого не случилось.

Декабрь уходящего года выдался снежным по сравнению с прошлыми зимами, когда частенько случались оттепель и слякоть.

Бесшумный хоровод пушистых снежинок размыл границу между землей и небом. За одну ночь застелило окрестности легким, первозданно белым снегом, и к утру все вокруг стало удивительно светлым, опрятным и хрустящим. Первый морозец освежил и очистил воздух. Озорные лучики холодного зимнего солнца, выглянувшего из-за прижавшихся к горизонту седых туч, заиграли колющими глазами искорками на еще никем и ничем не тронутым снежном покрывале.

Преобразился и город: спрятал осеннюю грязь улиц под белым полотном пороши; укрыл серые невзрачные обочины сугробами; приосанился, примерив снеговые шапки на крыши домов. Правильно. Пора готовиться к грядущим новогодним празднествам.

Пусть не столь изысканно по сравнению с дорогим нарядом других, более крупных, городов будет его убранство в эти дни — все простенько, без особого размаха и шика, — а глаз радуется, создавая праздничное настроение. Да и что ж не радоваться в предвкушении, ведь, помимо самих торжеств и застолий, впереди еще длинные (до самого Рождества) выходные, почти маленький отпуск.

В преддверии этих дней и отправился Максим в городской Дом культуры, в библиотеку. Мало кто сейчас тратил свободное время на чтение,

да еще и печатных текстов, а вот он любил читать книги — настоящие, которые можно подержать в руках.

Максим любил историческую прозу. С детства будоражили его воображение и грозная поступь слонов Ганнибала, преодолевающих заледенелые альпийские перевалы, и каменные громады средневековых замков с рыцарскими штандартами на крепостных стенах, и вздутые попутным ветром широкие паруса быстрых древнерусских ладей, идущих по морю в поход на Царьград... Сложно сказать, что стало причиной этого совсем не модного теперь увлечения. Но одно обстоятельство способствовало тому точно: у Максима, самого обыкновенного и мало чем выделяющегося среди своих ровесников парня, отец работал в школе учителем истории. А яблоко от яблони, как известно, недалеко падает.

Субботним утром в Доме культуры было безлюдно: пусто в прохладном вестибюле, темно в закутке гардеробной, закрыты двери кабинетов, ни один звук не нарушал молчание залов. По гладким бетонным ступеням лестничного марша, огражденного перилами с массивными деревянными поручнями, Максим поднялся на второй этаж. Гулко застучали жесткие каблуки зимних ботинок в тишине тускло освещенного длинного коридора, в конце которого располагался вход в библиотеку — вместительное, с огромными окнами и высоким потолком помещение.

В глубине прохода, заставленного объемными кадками с растениями, разместились стол-кафедра и пара выставочных стендов. А по обе стороны от них протянулись ряды однообразных стеллажей, на полках которых выстроились в алфавитном порядке, плотно прижавшись друг к другу, разноцветные книжные корешки.

Еще издали заслышав шум приближающихся шагов, библиотекарь — худенькая, уже в возрасте женщина с сухим бледным лицом — отложила на время свои дела и подняла голову, выжидаяще всматриваясь в посетителя. Поздоровавшись и вежливости ради обменявшись с ней парой коротких дежурных фраз, Максим сдал прочитанные книги, а затем самостоятельно направился в нужный и хорошо знакомый ему раздел.

Выбрав парочку изданий, он обратил внимание на стоявшую в углу большую пачку каких-то книг, брошюр и журналов, крест-накрест перевязанную бечевкой. На правах завсегдатая он, недолго думая, распутал незамысловатый узел. Среди изрядного количества беллетристики его внимание привлекла книжица с напрочь отсутствующим корешком и настолько сильно потертой обложкой, что определить с первого взгляда ее название представлялось весьма затруднительным. «История Древнего мира, — открыв титульный лист, прочел Максим. — Учебник для 5—6 классов средней школы. 1943 год». Ветхий переплет еле-еле удерживал оставшиеся части книги, некоторые из листов уже давно оторвались и высунулись за обрез общего блока, лохматясь потрепанными краями, а на страницах то тут, то там красовались неразборчивые заметки на полях и кривые карандашные линии, подчеркивающие целые абзацы текста.

Максим не понял, чем заинтересовал его учебник, но решил полистать его на досуге, несмотря на весьма плачевное состояние.

— Где ты такую выискал? — спросила библиотекарь.

— Да там... в связке...

— То-то смотри, на ней печать какая-то необычная, большая. Точно не наша. В связке, говоришь? Это нам иногда люди книги свои приносят. Им не нужны, а выкинуть рука не поднимается. Вот и несут к нам.

— Понятно...

Женщина вздохнула, неторопливо поправила толстый пуховый платок на угловатых плечах и, занеся над читательским формуляром Максима шариковую ручку, объявила:

— Две книжки я на тебя запишу, а эту забирай безвозвратно. Она на балансе у нас не числится.

Быстро расписавшись в формуляре, Максим коротко попрощался с библиотекарем и отправился домой. А дома, в однокомнатной квартире типовой пятиэтажки, где он обитал со своей женой Ольгой, все три книги послушно легли в ящик стола — дожидаться свободного времени у своего нового читателя: сейчас ему недосуг, Новый год скоро, а значит, и все сопутствующие праздничные хлопоты...

Лишь после всех празднеств, от которых тоже отдохнуть нужно, добрался Максим до взятых в библиотеке книг.

Учебник лежал сверху, потому оказался первым в его руках. На давно пожелтевших страницах сухим и скучным языком излагалась история древности: жизнь первобытных людей, возникновение государств в Азии, расцвет и упадок античных цивилизаций... Даже часто встречающиеся иллюстрации и карты на цветных вкладках не вызвали у Максима особого интереса. Но тут из последних страниц выпала фотография. И было в этом что-то неслучайное, символичное.

Плотная шершавая бумага, непривычный формат и блеклая желтизна изображения сразу же указывали на давность фотокарточки. Подтверждало то и военное обмундирование запечатленного на снимке юноши: форменный китель с черными петлицами на воротнике-стойке, прямоугольными клапанами карманов и вертикальным рядом блестящих пуговиц; жесткий широкий ремень с бляхой; круглый значок на подвеске, а на голове буденовка — островерхий суконный шлем со сложенным и пристегнутым к пуговицам назатыльником, небольшим овальным козырьком и бликующей темным гляncем эмали пятиконечной звездочкой, закрепленной поверх более крупной матерчатой звезды. Именно этот легендарный и определенно самый узнаваемый красноармейский атрибут привлек особое внимание Максима. И лицо юноши — совсем-совсем молодое, почти детское.

Внимательно перелистав весь учебник и не обнаружив больше ничего постороннего, Максим убрал его обратно в ящик и принялся изучать фотографию. Вроде бы ничего особенного — ему и прежде доводилось видеть старые снимки. Только уж очень увлекательной показалась возможность исследовать реликвию: определить род войск, место службы и, если получится, личность военного.

Но сколько Максим ни крутил в руках карточку, вглядываясь в изображение, так толком ничего и не выяснил. Шифровка на петлицах у военного, состоявшая из нескольких плотно прижатых друг к другу цифр

и букв, выглядела неразборчиво. И лишь по расположенной рядом с ней эмблеме в виде двух перекрещенных по диагонали коротких линий можно было предположить, что тот имел непосредственное отношение к артиллерии. Что за значок на кителе, Максим, будучи абсолютным профаном в наградах, тоже определить не смог. Странной показалась ему и бляха на ремне — совсем не соответствующая, как он считал, тому времени, в которое был сделан снимок. Даже аккуратно выведенная бледно-синими чернилами надпись на обороте фотокарточки: «На долгую память моим дорогим маме, папе и брату Федьке. От Леонида. Март 1940 года», ясности почти не внесла, лишь подтвердив, что снимок довоенный (это и так было понятно), и указав имя сфотографированного. Увы, без фамилии.

Поняв, что дальше ему в этом деле одному не продвинуться, Максим решил показать карточку своему отцу — тот как раз завтра обещал зайти. Он, безусловно, в этих вопросах разбирается гораздо лучше, как-никак учитель истории, причем заслуженный и весьма уважаемый.

Евгений Анатольевич — так звали отца Максима — пришел уже в первой половине следующего дня. Улыбнувшись, поздоровался с невесткой Ольгой, выскочившей из кухни. Не спеша разулся. Снял тяжелое зимнее пальто и, передав его Максиму, одернул надетый поверх теплого свитера пиджак. Затем, наклонившись к зеркалу, поправил высветленные сединой волосы маленькой карманной расческой. Окинул внимательным взглядом прихожую. И только после этих «церемоний» прошел в зал.

Сын, чтобы не терять времени попусту (тем более Ольга еще не закончила всех приготовлений на кухне), показал отцу фотокарточку и, кратко объяснив ситуацию, спросил его мнения.

— Курсант, — заявил Евгений Анатольевич после того, как обстоятельно изучил снимок, внимательно вглядываясь в изображение через очки с большими прямоугольными линзами в массивной старомодной оправе, — артиллерийского училища. Это ты правильно определил по скрещенным пушечкам. А какое училище, не могу понять. По аббревиатуре в петличках можно учебное заведение узнать. Только вот не разберу никак... Первой, похоже, какая-то цифра стоит, потому как уже других будет. А дальше непонятно, то ли С, то ли О. Может, ноль. В конце вообще непонятно, что за частокол. На тройку римскую похоже. У тебя увеличительное стекло есть?

Максим принес лупу. Но и она, к сожалению, ничем не помогла.

— А что за значок у него? Ты, пап, в этой теме должен разбираться.

— В фалеристике немного разбираюсь. — И после небольшой паузы, еще раз всмотревшись через лупу в фотографию, отец выдал свое заключение: — Это осоавиахимовский знак «Готов к ПВХО».

— К чему?

— К противовоздушной и химической обороне. А Осоавиахим — это организация наподобие теперешнего ДОСААФ.

Вроде и обсуждать больше было нечего, но Евгений Анатольевич, чувствуя, что все еще не смог удовлетворить любопытство сына, дополнил:

— То, что курсант, это однозначно. Странно только, что воротник стойкой. Я считал, в то время он у всех отложным был. А по поводу бляхи на ремне — так у курсантов тогда такие встречались. Видишь, на ней и звезда чуть-чуть просматривается. В послевоенные годы солдатам такие выдавали. И в мою бытность, когда служил, и у вас, наверно, тоже подобные были. — Получив от сына утвердительный кивок, он продолжил: — А у красноармейцев на ремнях тогда другие пряжки были. И только у курсантов именно такие... Ну а то, что в буденовке он, — так это обычное дело для того времени.

На этом обсуждение завершилось: в дверях, ведущих в кухню, уже несколько минут в ожидании стояла Ольга, всем своим видом говоря — пора за стол...

После чая Евгений Анатольевич сам вернулся к разговору о фотографии. Видимо, и его она чем-то зацепила:

— А покажи-ка мне ту книжку, в которой она была.

Ознакомившись с учебником, предположил:

— Должно быть, из школьной библиотеки. Раньше, кстати, учебники нужно было самим покупать, но в школе экземпляры тоже имелись. Думаю, этот — оттуда. Ты говоришь, что ее в ДК кто-то из наших горожан отдал?

— Да. Мне так сказали.

— В таком случае правильно будет узнать, кто эту книгу принес, и вернуть им фотографию. Заодно, может, что-нибудь еще про курсанта этого выяснить получится. Думаю, это какой-то их родственник. И, судя по всему, воевал. Но однозначно не в финскую. Дата на обороте — «март сорокового» — это окончание Советско-финляндской войны. Он тогда еще курсантом был. А в Великой Отечественной, скорее всего, участвовал. Только вот вопрос: вернулся ли живым? Из тех, кто с самого начала воевал, мало кто выжил... Может, у родственников, кроме этой фотографии, больше ничего от него и не осталось.

— Да, конечно, так правильно будет, — кивнул Максим. Он был рад возможности выяснить судьбу курсанта.

В последующие дни Максиму удалось не только прочитать взятые в библиотеке книги, но и кое-что уточнить насчет снимка. Отыскав в безграничных дебрях интернета несколько форумов, где обсуждались подобные вопросы, он просмотрел множество изображений и фотографий курсантов той поры и с большой долей вероятности смог установить, что Леонид являлся учащимся одной из специальных артиллерийских школ.

— Пожалуй, ты прав, — согласился с этим Евгений Анатольевич, пришедший навестить сына. — Действительно, были такие школы.

— В Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове... ну и в других крупных городах, — не преминул выказать свои познания Максим. — Туда отличников из простых школ набирали после седьмого класса. Там этих «спецов», как они себя называли, для поступления в военные училища готовили. Короче, что-то типа дореволюционных кадетских корпусов, ну или суворовских училищ, которые чуть позже появились.

— Да-а-а... — протянул отец. — А я как-то про эти спецшколы и не подумал. Хотя стоило бы — лицо-то у паренька совсем мальчишеское. Кстати, в одной из таких школ сын Сталина учился. Нет, не Яков, который потом в плен попал, хотя он тоже артиллеристом был, и не Василий — тот летчик. А приемный — Артем Сергеев.

Этого Максим, конечно, не знал. Вроде бы уже что-то прочитал по этой теме, можно сказать в некоторой степени, а отец все равно больше в ней разбирается.

— Я сначала фото курсантов военных училищ смотрел, — объяснил Максим. — Искал похожие. А потом случайно фотку учащегося артиллерийской спецшколы увидел. У них такие же форма и петлицы. Первой, как ты и предполагал, стоит цифра — это номер спецшколы. А за ним — шифровка: «СПШ». Букву Ш ты с римской тройкой спутал. Она и вправду на фото так выглядит. Ну и пушечки, само собой.

— И какой тебе номер видится? — то поднося ближе к снимку, то удаляя от него лупу, поинтересовался отец.

— Я, если честно, так и не разобрал. То ли шестерка, то ли девятка, а может, восьмерка — на эти цифры похоже. Но точно определить сложно. Думаю, это ленинградская школа: с первой по пятую в Москве находились, а с шестой по десятую — в Ленинграде. У всех других номера двузначные шли. А на снимке ясно видно, что цифра всего одна — следовательно, или Московская, или Ленинградская школа. Ну а по своему округлому виду ни на единицу, ни на четверку, ни на пятерку она точно не похожа. Значит, скорее всего, какая-нибудь из ленинградских спецшкол. Думаю, так.

— Серьезное ты исследование провел, как я посмотрю, — пошутил отец, но и через иронию слышалось одобрение в его голосе. — Чувствую, заинтересовало оно тебя. А дальше продвинуться сможешь, когда фотографию родственникам вернешь. Тогда и про «спеца» этого что-нибудь еще выяснишь.

— Думаю, так, — согласился Максим.

Его действительно увлекло это, как сказал отец, исследование.

В библиотеке, куда Максим наведалься сразу после новогодних каникул, его встретила та самая сотрудница.

— У нас в книгах и не такое забывают, — выслушав, усмехнулась женщина. И без особого энтузиазма, по принципу «раз просят — надо помочь», поднялась со своего места. — Показывай, в каком углу ты этот учебник выискала.

Стопка книг находилась там же. Библиотекарь пожала плечами:

— Не знаю, кто их принес. Наверное, не в мою смену.

Но, заметив, что Максим огорчился, добавила:

— Подожди, я в читальном зале спрошу. Может, там кто в курсе. — Она направилась в соседнее помещение, звучно постукивая каблукками.

Максим томился в ожидании недолго.

— Ну, что тут у вас случилось? — сразу же, как только подошла, пропела веселым голоском работница читального зала.

В противоположность своей коллеге это была полненькая, невысокого роста женщина средних лет с живыми, изумленно-радостными глазами на круглом лице, светящемся беззаботной улыбкой.

— Рассказывайте, показывайте. Чем можем, тем поможем.

Максим, стараясь не вдаваться в лишние подробности, изложил суть дела.

— Ах, вот эти! — толком не дослушав, затараторила женщина, суетясь вокруг стопки книг с несвойственной ее комплекции резвостью. — Эти уже, надо думать, с месяц тут. Все никак руки до них не доходят. Их же не просто разобрать надо, а еще на учет поставить и в нужный раздел определить. Одна морока! А тут еще Новый год — и выставку нужно готовить, и зал нарядить. Дел невпроворот. Да еще...

Тут Максим вежливо прервал этот словесный поток:

— Так кто конкретно эти книги принес?

— А! Это Лидка Черкашина.

— А где ее можно найти? — стараясь припомнить, где он мог слышать названную фамилию, переспросил Максим.

Лицо женщины выразило искреннее недоумение и еще сильнее расплылось в улыбке. Она удивленно уставилась на Максима и выдала:

— Во! Лидка в одном детсаде с твоей мамкой работает. Что ж искать того, кто рядышком?

Да, именно так! В небольших городках люди постарше — не в пример молодежи — всегда все обо всех знают.

Вполне довольный результатом визита в библиотеку, Максим, вернувшись домой, сразу позвонил матери. Дозвонившись, объяснил ситуацию и договорился, что, как только она все разузнает, сразу сообщит ему. Через полчаса, показавшиеся Максиму долгими, мать перезвонила, сказав, что Лидия Петровна заканчивает работу в семь часов, и, если ему это так важно, пусть он подойдет к главному входу в детский сад и сам передаст ей фотографию, а заодно и расспросит.

— Вот и хорошо! — ответил сын, которому это действительно было «так важно».

Густая холодная темнота короткого зимнего вечера быстро заполнила слабоосвещенные улочки городка. К крышам домов опустилось черное, усыпанное колючим бисером звезд небо. Студеный ветер, сметая с сугробов снежную крупу, сновал между дворов, настырно стучась в струящиеся желто-оранжевым светом окна. Разноцветными огоньками прошедшего веселья легкомысленно и совсем не к месту игриво поблескивали то тут, то там на столбах не убранные после праздников гирлянды. Еще и семи часов не было, а казалось, будто уже давно ночь.

Максиму, который подошел к детскому саду в назначенное время, пришлось немного подождать.

— Ага, какие-то книжки мы с мужем отвозили в Дом культуры, — подтвердила Лидия Петровна, высокая, крупная, облаченная в громоздкую шубу женщина.

Была она примерно одного возраста с родителями Максима, и ему действительно доводилось видеть ее раньше в компании своей матери, вот только какая у нее фамилия, он за ненужностью в памяти не удержал, оттого и конфуз в библиотеке вышел.

— Пару лет назад, после того как мой отец умер, мы маму к себе забрали, — пояснила Черкашина. — С вещами и книги были. Лежали они у нас, лежали... И дома не нужны, и выкинуть жалко, и в макулатуру некуда сдать. Вот в библиотеку и отвезли.

Взяв в руки фотокарточку, женщина поднесла ее поближе к свету горевшего на крыльце фонаря, посмотрела и покачала головой:

— А кто это, даже не знаю. Нет... точно не наш.

«Вот тебе и на... Приплыли!» — расстроился Максим. Такого он точно не ожидал. Все так удачно складывалось, и вдруг — тупик.

— Ну а книжка-то эта ваша? — еще надеясь на что-то, спросил он.

— Возможно, и наша... Не вспомню я точно, Максим, — мягко, вроде как извиняясь, ответила Лидия Петровна.

Подумав немного и, видимо, желая хоть как-то помочь, она предложила:

— Если хочешь, пойдём ко мне домой, а там у моей мамы спросим. Может, она знает.

— Да, конечно, — с готовностью согласился Максим.

Понятное дело — неловко чужих людей беспокоить, время у них отнимать. Но это был все же шанс.

— А вспомнит ли ваша мама? — поинтересовался он по дороге.

— Не переживай, — улыбнулась Черкашина. — Если будет что вспоминать, то вспомнит. Она еще из ума не выжила. У стариков такая особенность есть — того, что вчера было, не помнят, а о том, что в детстве случилось, до мельчайших подробностей расскажут...

Как зашли в дом, Лидия Петровна сразу же усадила гостя за стол. И если от ужина Максиму удалось отказаться (во-первых, дома поел, а во-вторых, не за тем пришел), то на чай пришлось согласиться — уважить хозяйку. А пока та хлопотала на кухне, Максим, чтоб не сидеть празднично, показал фотографию ее мужу. Тот, отодвинув снимок от глаз на расстояние вытянутой руки, всмотрелся и коротко, но категорично заявил, что не знает, кто на нем изображен. Мельком заглянувшая на разговор дочь Черкашиных тоже ничего сказать не смогла. Она, как показалось Максиму, вообще не поняла, ради чего все эти «заморочки».

Чуть позже в комнату, тяжело шаркая, вошла тучная, сутулая старушка. Лидия Петровна сначала усадила мать за стол, затем деловито разлила по уже расставленным чашкам чай, наполнила узорную стеклянную вазу конфетами и печеньем и только тогда объяснила, кто их гость и что ему нужно.

Бабушка чрезвычайно долго глядела на мелко подрагивающий в ее руках снимок и наконец произнесла:

— Федька это.

За столом все молчали. Никто из присутствующих не понял, о ком она говорит.

— Братец двоюродный деда моего, — продолжила та, под «дедом», очевидно, подразумевая своего покойного мужа. — С Федькой мы в школе вместе учились.

— Может быть — Леонид, брат Федькин? — поправил Максим и, аккуратно взяв из ее рук карточку, зачитал вслух надпись на обороте. — Судя по написанному, тут Леонид. А фото он дарит своему отцу, матери и брату Федьке. У Федьки, у одноклассника вашего, брат был?

— Да... Был у него брат... Старший, — после продолжительной паузы, видимо необходимой ей для осмысления ситуации, ответила старушка. И с извиняющейся улыбкой добавила: — Только вот, как звали его, не упомню. Может, и Леонидом.

— Просто на фото парню должно быть никак не меньше четырнадцати лет. Даже более вероятно, что шестнадцать или семнадцать. И это в сороковом году. А значит, не мог он быть вашим одноклассником, — уточнил Максим.

— Братья, возможно, похожи были, — вступила в разговор Лидия Петровна. — Вот потому ты, мам, и путаешь. Погоди-ка, я помню, в альбоме фотография твоя школьная была! Вы там еще всем выпускном сфотографированы. — И, обращаясь к гостю, предложила: — Если надо, могу показать.

— Да! Покажите, пожалуйста, — моментально ответил тот.

В большом пухлом альбоме, набитом множеством фотографий, отыскать нужный снимок оказалось непросто. Максим уже начал отчаиваться, но крупная, с фигурными краями фотокарточка была все-таки найдена и, перекочевав из рук Лидии Петровны к ее матери, а затем к мужу, наконец, оказалась у Максима.

Сдержанно улыбаясь в объектив фотокамеры, у главного фасада школы выстроились несколькими разновысотными рядами ученики: мальчики в однообразных темно-серых рубашках-гимнастерках и девочки, наряженные в яркую белизну праздничных фартуков. В центре группы на первом плане сидело несколько взрослых — очевидно, преподаватели. Отчего-то трогательным выглядел этот давно оставшийся в прошлом момент из чужой жизни.

Повертев в руках снимок и поняв, что самому ему в нем не разобраться, Максим вернул его старушке. Теперь оставалось дожидаться ее комментариев.

— Вот она я. — Бабушка указала пальцем на кругленькое, с задорными ямочками на щечках, открытое лицо молоденькой ученицы, в которой узнать ее теперешнюю было невероятно сложно.

— А Федор где?

— Вот он, туточки, — переместила по фотографии свой палец старушка. И Максим, приглядевшись, воочию убедился в том, что братья похожи друг на друга.

Старушка, неторопливо копаясь в памяти, рассказала о школьных годах, пришедшихся на тяжелое лихолетье войны и не менее трудный период после нее. Под уважительные кивки дочери и зятя вспомнила учителей, подруг и друзей, их родителей и просто каких-то знакомых.

Улучив паузу в этом не совсем стройном и малопонятном ему повествовании, Максим перевел тему на волнующий его вопрос:

— А какая фамилия у этих братьев? У Федьки и Леньки? Да и вообще, что о них известно? Они вам родней приходятся?

— Да какая там родня! Седьмая вода на киселе! Мужу — еще да, а уж мне-то! — улыбнулась бабушка. — С Федькой тем я училась вместе — вот потому-то и вспомнила. А братца его я и вовсе не знала. Он у него навроде в войну погиб...

— Погиб?! — вздрогнув, переспросил Максим, поразившись, насколько верным оказалось предположение отца.

— Погиб, — все так же невозмутимо продолжала старушка. — Они до войны в Ленинграде жили. А уж как война началась, назад сюда возвратились, в эвакуацию. Федька да мать его. Отец ихний тогда уже помер. А старший сын на фронте, значит, был. А они возвратились. Раньше-то туточки жили. Федька братом двоюродным мужу моему приходился, а мать — теткой, значит. Зоей ее, кажись, звали. А как по отчеству, подзабыла я...

— А отец их — он от чего умер? — поинтересовался Максим.

— Как это от чего? От голоду! Там, в Ленинграде, голод был страшный. Вот и помер он. Я его и не помню-то вовсе — ни каков был, ни как звали его.

— А Ленька, брат Федькин?..

— Тот-то воевал... да с войны не вернулся. Погиб. А с Федькой мы учились вместе... Только вот и он молодым совсем из жизни ушел. Авария у нас на заводе была. Вот его и прибило насмерть. Ну а уж после и мать ихняя померла.

— А кто же из родни у них остался? Кстати, какая фамилия их была?

— Более никого не осталось. Ни у Федьки, ни у брата. Детей не было. Муж мой покойный братом им двоюродным приходился. Вот и вся родня.

— А фамилия?

— Не помню.

— Подождите. Возможно, на обратной стороне фотографии подписи есть, — предположила Лидия Петровна. Забрала из рук матери карточку, перевернула ее. — И правда, есть!

И крайне довольная протянула снимок Максиму:

— Прочти-ка. У тебя глаза помоложе.

На обороте фотографии в три столбца тонкими завитками мелкого почерка старательно были выведены фамилии и инициалы учеников.

Уточнив девичью фамилию матери Лидии Петровны, Максим сначала отыскал в списке ее, а затем принялся «вычислять» Федьку. Только у одного ученика имя начиналось на букву Ф. Но вот досада — на всех четырех углах обратной стороны карточки имелись повреждения: фотография когда-то была приклеена к альбомному листу. Одно из этих повреждений приходилось как раз на фамилию Федора.

— Н<...>ий, — лишь смог разобрать Максим. И, посмотрев на старушку, спросил: — Может, все же вспомните?..

— Не... Ничегошеньки на ум не приходит, — покачала та головой.

«Это плохо... совсем плохо...», — не зная, что теперь предпринять, размышлял Максим, обезнадёженный таким ответом.

Спустя какое-то время, обдумав ситуацию, он прервал воцарившееся за столом молчание и заявил:

— Сейчас в интернете есть сайты, на которых можно кое-что о ветеранах узнать. И о погибших тоже. Я парочку таких сайтов знаю. Там сведения и о наградах, и о потерях... ну и много еще чего в свободный доступ выложено. А фамилию Леонида, может, получится угадать, подбрав неизвестные фрагменты.

Никто из присутствующих в ответ не проронил ни слова. Лидия Петровна, уже принявшаяся убирать со стола, лишь неопределенно пожала плечами. Молчал и ее муж, еще в начале беседы утративший всякий интерес к обсуждаемому предмету. Смущенно хлопала глазами старушка — для нее все услышанное было непостижимой абракадаброй.

Максим решил спросить:

— А можно я эту фотографию пока себе оставлю? Я на сайтах сам посмотрю. И что узнаю, сообщу.

— Конечно-конечно, — с готовностью, будто только этого и ждала, согласилась Лидия Петровна. Муж поддержал ее одобрительным кивком головы и тут же встал из-за стола. Не стала препятствовать и продолжающая удивленно смотреть в сторону гостя старушка.

«Ну вот и хорошо. Сам разберусь», — обрадовался Максим. Поблагодарив хозяев дома за чай и извинившись за отнятое у них время, он пошел домой, по пути осмысливая полученные сведения.

Кое-что узнать удалось. Пусть информации не густо, но и не пусто. Главное, что с фотокарточкой получилось определиться, жаль только, в семье Черкашиных фамилию Ленькину не помнят. Впрочем, по-другому едва ли могло быть: фотографию его брат Федор, видимо, просто забыл в учебнике, а после книга оказалась у матери Лидии Петровны. И если бы Федька не состоял в родстве с ее будущим мужем, то она его наверняка бы и не вспомнила. Так что тут, можно сказать, повезло.

«Значит, перспектива есть, — приободрился Максим, — и поиск стоит продолжить. Ведь совершенно ясно — заниматься этим больше никому».

Сгинул в горниле войны человек, по молодости своей потомства не оставив, и никто не вспоминает о нем, будто и не было его вовсе. Черкашины, конечно, в этом не виноваты. Для них, вероятно, памятны свои, близкие им герои той войны. А Леонид... кто он им? «Седьмая вода на киселе». Но и тут, как говорится, нет худа без добра — теперь все дальнейшее исследование снова исключительно в его руках, как он и хотел.

На следующий день Максим приступил к поиску информации о Леониде в интернете. В свое время на одном из официальных интернет-ресурсов ему удалось отыскать кое-что о прадедах-фронтовиках. Один пал под Смоленском в начале войны, другой дожил до Победы, дошел

до Берлина в составе знаменитой дивизии, чье знамя в мае сорок пятого года было водружено над разбитым Рейхстагом.

Почти весь день потратил исследователь, подбирая Ленькину фамилию, и, казалось, испробовал все возможные варианты. Но так и не добился результата.

«Опять тупик!..» — начал терять надежду Максим.

— Слушай, ты вот что попробуй, — посоветовала ему Ольга, которая всегда была в курсе всех дел своего мужа. — Если этот Федька в нашей школе учился, то по школьным записям наверняка можно его фамилию узнать. Ты у отца спроси.

— Верно! И как я сам не догадался? — Максим воспрянул духом.

Действительно, в школьном архиве должны быть какие-то списки учащихся. И если отыскать сведения о матери Лидии Петровны, то, значит, и Федькину фамилию с отчеством удастся узнать. Эти данные у них с братом Леонидом одинаковы.

Максим чмокнул на радостях жену и тут же стал звонить отцу. Тот, выслушав его просьбу, предложил зайти в школу:

— Книга записи учащихся тех времен сохранилась. Поищем твоего Федора.

Встретив сына, Евгений Анатольевич сразу повел его к женщине-секретарю. Та уверенно вытянула из тесного ряда однотипных книг нужную. Перелистнув несколько страниц, показала:

— Вот ученик, которого вы ищете, — Федор Климентьевич Ноугорский. Вот год его рождения, время поступления в школу, класс, адрес и отметка о выбытии. — И в подтверждение своих слов, ведя длиннющим накладным ногтем, словно указкой, по обильно заполненным графам таблицы, обозначила строки с записями о Федоре и матери Лидии Петровны, обратив особое внимание на те сведения, которые у них совпадают.

«Есть! Теперь должно получиться!» — воодушевился Максим.

Он искренне, очень эмоционально и даже излишне многословно поблагодарил секретаря и быстро зашагал домой.

Поиск своеобразной фамилии Леонида в сочетании с нечасто встречающимся отчеством указал лишь на одного человека с такими данными. Компьютер незамедлительно выдал ссылки на три документа. Один из них — донесение 1945 года о безвозвратных потерях, согласно которому лейтенант Ноугорский Леонид Климентьевич, 1923 года рождения, командир огневого взвода артиллерийского полка, член ВЛКСМ, считался пропавшим без вести с мая 1942 года. Именно тогда, как удостоверяла запись в «Списке офицерского состава, разыскиваемого родственниками», с ним прекратилась письменная связь. Имелся на том сайте также Приказ ГУК НКВ СССР об исключении Леонида из списков Красной армии и еще один документ — персональная карточка военнопленного.

Эта карточка произвела на Максима самое сильное впечатление. Пусть и невозможно было взять в руки этот документ, все равно чувствовался его тяжелый, угнетающий характер. Все казалось в нем таким:

и потертые страницы отсканированного с двух сторон типографского бланка, и разграфленные клеткой таблицы; и чужие рубленые буквы готического шрифта; и фиолетово-черные штампы; и многочисленные записи с пометками, сделанные небрежным почерком; и серое пятно оттистка пальца, и фотография — небольшая и темная. На ней в гимнастерке, лишенной знаков различия, без головного убора, с прямоугольной табличкой на груди был изображен Леонид. Его трудно узнаваемое лицо выглядело теперь отчужденным, хмурым и пустым, совсем не схожим с тем, на довоенном снимке. А ниже фотографии стояла начертанная красным карандашом надпись на русском языке: «Умер 29.09.42».

Карточку Максим рассматривал долго: вчитывался в текст записей, пытался разобраться в непонятных ему формулировках, пробовал перевести с немецкого некоторые слова. А порой и просто глядел на этот пронзительно тревожный документ, который мало кого мог оставить равнодушным.

На следующий день к Максиму после работы зашел отец. Ему, видно, тоже был интересен результат исследований сына.

— Как тут у тебя дела продвигаются? Узнал что по Леньке?

Максим показал находки отцу:

— То, что в списке безвозвратных потерь от сорок пятого года значится пропавшим без вести, — это нормальная практика, как я понимаю, для оформления пенсии его семье. А вот с карточкой военнопленного еле-еле разобрался, и то далеко не до конца.

Развернув изображение первой страницы, он увеличил его и, водя по нему курсором мышки, начал объяснять:

— Вот номер лагеря... Вот фамилия и имя... Тут все просто, они уже нашими специалистами переведены. Вот дата рождения и место. Ниже — вероисповедание, тут пусто. Имя отца. Это взамен отчества, у немцев ведь его как такового нет. Вот девичья фамилия матери, уж и не знаю зачем, ну да кто их, немцев, разберет. В соседней колонке, где национальность указана, хоть и не переведена, и так понятно — русский. Ниже воинское звание, место службы, должность. А здесь — где и когда пленен. Также не переведено, но дата «17.05.42» и так понятна. А вот Kertsch я сам определил — Керчь.

— Да, — согласился Евгений Анатольевич. — Печально известная Керченская оборонительная операция. Одна из многих трагедий тяжелого сорок второго года... Знаешь, как тот год еще называют? Учебным. А ведь какой большей кровью мы за ту учебу заплатили! И на Керченском полуострове тоже. Как там про те события у Константина Симонова? «По всему проливу бескозырки да пилотки...» Не всем тогда на Тамань эвакуироваться удалось. Кстати, следствием этого была оборона Аджимушкайских каменоломен. Однозначно героический эпизод той войны. Но и трагичный — там тоже почти все погибли.

— А вот здесь, еще чуть ниже, — продолжил сын, — указано, в каком состоянии попал в плен. Тут и написано, и подчеркнуто: «Verwundet» — раненый.

Максим сделал паузу, стараясь придать значительности этому обстоятельству.

Отец промолчал. Мало кто в плен по собственной воле сдается, а уж раненым или здоровым угораздило туда попасть — на то бывает еще и непреодолимая сила обстоятельств.

— А здесь, — продолжил Максим, — рост и цвет волос. Отпечаток указательного пальца правой руки и фотография.

Отец, нагнувшись чуть ближе к монитору, долго молча вглядывался в снимок, потом вздохнул:

— Умер в сорок втором году... Девятнадцать лет всего было парню.

— Да-а-а... — протянул сын и указал на несколько записей, сделанных от руки на немецком языке. — Тут много чего написано...

— А как переводится? — спросил отец.

— Не знаю.

— Ты же немецкий изучал! Что, и со словарем перевести не в силах?

— Я, если честно, пап, кроме слова Kertsch, ничего тут не понял, — признался Максим. — Есть профильные форумы в интернете, там показано, как эти карточки правильно читать. Я поискал и нашел. А надписи эти мне и разобрать-то сложно. Слишком коряво написаны. На другой стороне вообще ничего не понятно. Тут почти пусто, а то, что есть, — на русский не переведено. А вообще здесь много чего должно быть. И особенности характера, и знание языков, и поведение, и прививки, и заболевания. Но эти пункты не заполнены. Даже личный номер здесь не указан. Записи есть только там, где учитываются наказания и перемещения из лагеря в лагерь. Но все на немецком, без перевода. И у меня их перевести не получилось. Хотя, конечно, хотелось бы узнать.

Евгений Анатольевич помолчал с минуту — думал, легонько барабаня по столу пальцами. И принял решение:

— Значит, поступим мы так. Ты распечатаешь эту карточку. Только постарайся, чтобы покачественнее вышло. А я в школу отнесу — может, там переведут. Учителя у нас по иностранному языку хоть и молодые, да вроде ничего. Один точно толковый. Вот только у него основной английский, а немецкий — второй. Но, я думаю, справится. А ты тем временем спрашивай на форуме.

Так они и поступили. К концу недели получили результат, причем в один день и из школы, и с форума.

В субботу вечером, когда уже задернуло окна густой чернильно-синей завесой сумерек, Максим с отцом, положив перед собой на стол копию карточки со свежими пометками перевода, принялись выяснять оставшиеся вопросы о судьбе погибшего в плену лейтенанта Леонида Ноугорского.

— Наказание у него за побег. Вернее, за попытку. Неудачную, так как был пойман, — начал с записей на обратной стороне карточки Евгений Анатольевич. — «21 Tage gesch. Arrest» — двадцать одни сутки строгого ареста.

— На форуме так же перевели, — подтвердил сын и уточнил: — Это, кстати, у него первая попытка была. И еще, судя по записям ниже, он

сначала был в триста шестьдесят четвертом шталаге, в Николаеве, а потом его в другой лагерь отправили. В триста шестьдесят пятый во Владимире-Волынском. Там вроде как офицерское отделение было — офлаг ХІА.

— Тут все понятно. Теперь дальше, — перевернул копию карточки Евгений Анатольевич. Подчеркнув слово в надписи на немецком языке, где была указана дата смерти Леонида, произнес, придавая значение словам: — «Erschossen» переводится как «застрелен».

— «Auf der Flucht erschossen» — расстрелян при побеге! — уточнил Максим. — Так на форуме эту формулировку полностью перевели. Получается, был убит при второй попытке к бегству.

— Да, — взглядевшись в закорючки чужих букв, согласился отец. — Странно только, что при изначальном переводе нашими была сделана запись — «умер».

— Ну, такое встречается, — объяснил сын. — Мне на форуме сказали, что обычно писали — «расстрелян» или «убит». Но иногда и так записывали.

— Не смирился парень! — подвел итог Евгений Анатольевич, высказав этими словами уважение к поступку Леонида. — Непобежденным из жизни ушел.

Отец и сын помолчали. И тишина совсем не казалась пустой, она и без слов была наполнена смыслом.

— Слушай, пап, а если что-то типа небольшой экспозиции о Леониде Ноугорском в школьном музее выставить? Ты же им заведешь.

— У нас вообще-то музей посвящен истории школы... — задумчиво протянул Евгений Анатольевич.

— Ну и что? Я там стенды с нашими земляками-героями видел. Тоже ведь тема Великой Отечественной. Герои эти — люди, конечно, заслуженные и известные, все о них знают. Но не одни ж они победили, многие безызвестными остались, вот как Ленька, например. Что он, памяти не заслужил? А вспомнить о нем, получается, некому — родни ведь близкой не осталось. Ну, а тем, кто есть — я имею в виду Черкашиных, — он без особой надобности. Положат фотографию в альбом — да и забудут. Она им, эта фотка, как я понял, не нужна. Они ее в музей с радостью отдали бы. Еще можно карточку военнопленного, в цвете распечатанную, приложить, краткую биографию написать. Много места это не займет. Все-таки Леонид ведь, как ни крути, тоже к нашему городу отношение имеет.

— Ладно, ладно. Что ты меня тут агитируешь? Хорошо, подумаем, — многообещающе улыбнулся отец. Ему понравились и горячий порыв сына, и предложенная им идея.

И хоть Евгений Анатольевич ничего не пообещал Максиму в тот вечер, но сам для себя решил, что непременно воплотит в жизнь этот замысел.

В середине следующего месяца в школьном музее появилась новая экспозиция: снимок, распечатанные в цветном виде копии документов и биография Леонида Ноугорского.

«Простенько, а все-таки хорошо получилось, — оценил экспозицию Максим, мысленно подводя итог своего исследования. — Результат достигнут. Можно, пожалуй, и точку поставить».

Но, как оказалось, рано еще было ставить точку в этой истории. Потому как случилось ей дополниться еще одним небольшим, но веским фактом.

В конце зимы пришло сообщение от одного из форумчан с того сайта, куда Максим обращался за помощью в переводе карточки военнопленного. До чего же дотошливы — в хорошем смысле этого слова — бывают увлеченные своим занятием люди! В сообщении, адресованном Максиму, указывалось, что, согласно некоторым данным, в день гибели Леонида Ноугорского из того же лагеря (а точнее, при этапировании из него) сбежали еще два узника. Изучив их персональные карточки, коллега-исследователь пришел к выводу, что побег им удался и, вероятней всего, бежали они вместе с Леонидом.

«Да, — согласился Максим, рассматривая документы беглецов. — Судя по указанным данным, эти двое бежали вместе с Ленькой». И у одного, и у другого в карточках стояли записи «auf dem Transport... entwichen», которые были переведены как «сбежал при транспортировке». Но главное, датировались эти записи тем же числом, что и смерть Леонида — 29.09.42, и лагерь военнопленных, откуда их везли, был тот же.

Выразив форумчанину в ответном сообщении свою огромную благодарность, Максим, взволнованный новой информацией, сразу прикинул: «Хорошо бы теперь установить, что дальше с этими людьми стало. Вдруг еще что-нибудь о Леньке разузнать удастся?»

Для этого понадобилось вновь обратиться к уже знакомым интернет-ресурсам. Там Максим выяснил, что, сбежав из плена, те двое добрались до одного из партизанских отрядов, действующих на территории Белоруссии, сражались в тылу врага, а после соединения с наступающей на запад Красной армией продолжили войну в ее составе. Один из них погиб в начале сорок пятого года при форсировании реки Вислы, а второй с боями дошел до берегов знаменитой Эльбы — «до соприкосновения с союзными нам англо-американскими войсками», как сообщалось в наградном листе на орден Красной Звезды.

Точен, но вместе с тем лаконичен и сух язык официальных документов. И, надо думать, не удалось бы Максиму найти еще какую-либо дополнительную информацию о судьбе Леонида, если бы он случайно не наткнулся на некую статью о ветеране, помещенную его внучкой на странице в одной из популярных соцсетей. Все указанные там данные свидетельствовали, что этот фронтовик и есть тот самый доживший до Победы солдат, который бежал из плена в одной группе с Ленькой. Вряд ли, конечно, было что-нибудь известно о лейтенанте Ноугорском внучке фронтовика (сам он к тому времени уже давно умер), но Максим на всякий случай решил написать ей.

И оказалось, совсем не напрасно! Хотя по интересующему Максима вопросу женщина ничего существенного сказать не могла, но у нее в семье сохранилась видеозапись с воспоминаниями деда о войне. Запись эту

делало их местное телевидение для передачи, посвященной 50-летию Победы. Сама телепередача, довольно продолжительная, состояла из многих интервью, взятых у ветеранов со всего региона. Каждому из них отводилось всего по несколько минут — только-только и хватило, чтобы немного рассказать о себе. Но таким был уже смонтированный вариант передачи, а в семье фронтовика имелась еще и полная, не урезанная версия беседы с ним. Оцифрованную копию этого видео Максим получил на свою электронную почту после недолгой переписки.

Не совсем складно, смущаясь объектива видеокамеры, путаясь в некоторых деталях, то и дело поправляя отяжеленный множеством наград пиджак, пожилой человек переключался с одного эпизода на другой, вспоминая о своем боевом прошлом. В основном рассказывал о партизанском отряде и боях и лишь совсем немного — о плене. Но как раз в этой части рассказа, оправдывая ожидания Максима, старик упомянул «лейтенанта Леньку», вместе с которым он и еще один товарищ бежали во время этапа из лагеря. Именно Леонид, по его словам, был инициатором побега, он же в критический момент и спас их, уведя за собой пустившихся за ними в погоню преследователей. «Спас ценой своей жизни» — таковы были слова ветерана.

Пусть и не изобиловала подробностями эта часть повествования, но было заметно, как увлажнились глаза старого солдата, как дрогнул его голос от избытка нахлынувших воспоминаний и чувств.

И Максим вдруг отчетливо, будто воочию увидел, представил то, что когда-то пришлось пережить лейтенанту Ноугорскому: гнетущий ужас немецкого лагеря, опутанного сетью колючей проволоки; холодный мрак карцера, куда Леонид был отправлен за первую попытку к бегству; второй побег из наглухо запертого вагона, везущего узников в Германию; бешеный стук сердца во время изнурительно долгого бега; захлебывающийся собачий лай погони, лишаящий всякой надежды; отчаянное самопожертвование, на которое Ленька пошел ради спасения товарищей. И дробь автоматной очереди, закончившей его жизнь...

Подвиг, совершенный Леонидом Ноугорским перед смертью, безусловно, заслуживал упоминания в его биографии, и Максим позаботился об этом.

А экспозицию, посвященную памяти лейтенанта Ноугорского, можно и сейчас увидеть в школьном музее.

